

и вывоз продовольствия в лес. Неутомимая женщина, пренебрегая отдыхом и сном, добывала продукты, упаковывала их, грузила на подводы и направляла в горы.

В конце октября через родное село стали отходить на Севастополь наши войска. Сандулова с тоской провожала их взглядом. Ей было тяжело. Канонада за горизонтом, вздрагивающая земля, рыскающие по небу фашистские самолеты — все это свидетельствовало о том, что враг близко. Но она все-таки не верила этому. А на ближайшей железнодорожной станции Альма днем и ночью рвались снаряды, горели цистерны с бензином и нефтью. Люди покидали насыженные места, уходили ближе к морю.

«Как быть? Что делать?» — задумывалась Сандулова.

— Давай, мама, в горы, к партизанам! — предложил сын.

И они пошли. За деревней лежал неубранный картофель, валялись покореженные части разбитых самолетов, зияли глубокие воропки. Пахло гарью.

Вначале они направились по шоссе вслед за войсками, затем повернули в лес, в сторону Бия-Салы. На следующий вечер их встретила конная партизанская разведка.

Командир отряда Сизов обрадовался встрече с Анной Егоровной. Мать и сына хорошо накормили. Сандулова почувствовала себя спокойно. Вскоре ей пришлось принять боевое крещение — участвовать в отражении немецкой атаки. Так началась партизанская жизнь этой женщины. Егоровна, как стали звать в отряде Сандуловой, ходила с партизанами в разведку, штопала и стирала белье, готовила пищу, а когда отряду понадобилось иметь своего человека в поселке Чайр — дала на это согласие и пробыла там до дня гибели поселка.

Новое задание, с которого не вернулась Анна Егоровна, было вызвано, как уже говорилось выше, потерей Севастополя и Керченского полуострова. Обстановка в тылу врага резко изменилась. Изменились и задачи партизан. По согласованию с Центральным Комитетом партии было принято решение об эвакуации на Большую землю всех небоеспособных партизан. Перед оставшимися в лесах товарищами стояла задача укрепить связи с подпольными центрами и населением, организовать в городах

и селах новые патриотические группы для подрывной деятельности.

Из числа коммунистов, комсомольцев и тех замечательных патриотов, которых у нас принято называть беспартийными большевиками, было выделено четыреста наиболее надежных, проявивших себя в бою партизан. И среди них — Сандурова и ее сын.

Нас особенно интересовало село Мангуш. Я вызвал Сандулову и спросил:

— Ты, Егоровна, из этого села. Скажи, кто из жителей Мангуша мог бы помочь нам?

Анна Егоровна задумалась, потом ответила:

— Надежные люди, конечно, есть... Только, сами понимаете, народ запуган. Если послать туда нашего человека, могут ему и не поверить — опасаются провокации.

— Как же быть?

— Придется мне идти. Толю с собой возьму.

— Рискованно, — не мог согласиться я с ее смелым предложением.—Тебя же там все знают. Найдется провокатор и...

— Волков бояться — в лес неходить, — прервала меня Сандурова. — Возьмут, скажу, выгнали, мол, из отряда.

— Придумаешь такое.

— Вот и придумаю. Втолкую им, что не хочу воевать против «нового порядка». Скажу, не бабье это вообще дело. Добавлю еще для пущей важности, что и партийный билет у меня комиссары отобрали. Авось поверят.

— Как знать?

— Иного-то выхода все равно нет. Раз надо, значит, пойду. Как говорится, двум смертям не бывать, а одной не миновать.

И Егоровна ушла из отряда. Ушла наша партизанская мать.

Провожая ее, мы знали, на какое дело она идет. Поверят ли ей немцы? Может, на верную смерть посыпаем? Но наши сомнения разрешила сама Егоровна. Она снова твердо произнесла:

— Раз надо — значит, надо! — и, простившись, вместе с Анатолием ушла.

...О прибытии Сандуловых в Мангуш первым узнал староста Костылев. Встретив Анатолия, съехидничал:

— Товарищу партизану привет! Когда пожаловали?

— Вчера, дядя Василий.

— Нет, она тоже здесь.

— А матушка небось в лесу осталась?

— Вот как! — не скрывая удивления, воскликнул староста. — С партийной книжечкой — и прямо к немцам в лапы? Забавный случай.

— Выгнали ее из партии.

— Ври больше!

— Правда, выгнали.

— Это почему?

— Воевать в лесу не захотели, домой попросились.

Вот и наказали нас...

Глядя прямо в глаза Костылеву, Анатолий подробно изложил историю, разработанную накануне в отряде с помощью Самойленко.

— Не врешь?

— Ей-богу, дядя Василий...

— Ишь ты! Бога вспомнил. Ну, смотри у меня! Ежели сбрехал — берегись!..

Недолго прожили Сандуловы в деревне. Староста или кто-то другой (этого выяснить не удалось), желая выслужиться перед немцами, донес на них.

Двенадцать суток мать и сын находились под замком в Мангуше. Держали их отдельно друг от друга и на голодном пайке. Каждый день допрашивали, при каждом допросе били кизиловыми плетьми, кулаками и сапогами. Мать и сын твердили в один голос:

— Выгнали нас из отряда, исключили...

Местные жандармы не смогли сломить упорства партизанки и решили отправить Сандуловых в Бахчисарай, в гестапо.

— Там вы все скажете! Там языки вам развязнут! — злобились полицаи.

В Бахчисарае снова начались допросы.

— Значит, вернулись добровольно? — допытывался гестаповец.

— Выгнали нас из леса. Старая да малый — воевать не можем. Зачем нас даром кормить...

Анна Егоровна говорила тихо, не выдавая волнения. А сама не переставала думать, что станется с сыном. Неужели Толя не выдержит и расскажет что-нибудь. Но тут же подумала: «Нет! Он у меня крепкий, не выдаст. Ведь сказал же, когда его поначалу не хотели послать со мной: «Я комсомолец. Лучше умру, чем кого подведу. Пощлите, пожалуйста...» Где он сейчас?»

Под внешним спокойствием мужественная коммунистка скрывала смертельную ненависть к врагу. Мысли оборвал крик следователя, потом заорал переводчик:

— Ты что, оглохла! Господин офицер спрашивает: кто командир отряда, сколько партизан в том лесу, откуда ты пришла, какое у них оружие, что намерены они делать дальше?

Егоровна медленно покачала головой:

— Не знаю я. Мы с сыном давно ушли из отряда, жили в лесной землянке отдельно. Находиться вместе с партизанами нам не разрешали.

— Ты есть говорит фальш! Старый женщинастыдно врать!

— Говорю правду.

— Может быть, ты ни одного партизана не видела и не знаешь?

— Откуда мне их знать? Из разных сел люди.

— Зер гут! — гестаповец поглядел на переводчика. — Сейчас мы будем все проверять, а ты понимайт.

Он нажал кнопку электрического звонка. Тотчас в кабинет вошли два эсэсовца. У одного в руках кизиловые плети, у другого какие-то железные крючья со следами крови на них.

«Неужели Толю пытали? Но он, видимо, выдержал, ничего не сказал. Иначе зачем бы им возиться со мной», — промелькнуло в голове Сандуловой.

Ее бросили на пол. Били нещадно, исступленно. Что было дальше, она не помнила. Очнулась в одиночной камере. Маленькое зарешеченное оконце, цементный пол. Страшно ноет гело, в ушах непрекращающийся звон и пронзительный голос следователя: «Говори, сволочь, говори!..»

Допросы продолжались целую неделю, днем и ночью. Но она так и не сообщила о цели своего прихода, не назвала имен партизан, которые могут явиться на связь.

Последняя ночь Егоровны началась, как и все предыдущие, с пыток. Теперь она уже ничего не говорила. Сердце ее словно окаменело. Она понимала, что ее расстреляют. Было два пути: умереть молча или рассказать все, чтобы таким образом спасти свою жизнь и погубить партизан и их семьи. Могла ли она пойти на такое? Егоровна была уверена, что сын ее расстрелян. И она решила умереть.

Эсэсовцы пытали Егоровну долго, наконец один из них крикнул:

— Русская баба! Скажи — ты каменная?

— Я коммунистка, — тихо ответила Сандурова.

Когда пришел офицер, Егоровна лежала в углу. Он приказал поднять ее и поставить к стене. Солдаты подхватили ее под руки, подняли. Офицер подошел, схватил костлявыми пальцами за подбородок, поднял опущенную голову. Он что-то хотел сказать, но не успел. Егоровна вдохнула в себя как можно больше воздуха и плонула фашисту в лицо.

— Расстрелять! — крикнул офицер, вытаскивая пистолет.

Возвращаясь с последнего допроса, она почти лицом к лицу столкнулась с сыном. Ее вели, вернее волокли, двое полицейских.

— Толя, сыночек!

— Ма-а-м-а! — закричал что есть силы Анатолий.

Но ее уже оттянули прочь. Женщина вырывалась, откидывала голову назад, чтобы последний раз взглянуть на своего сына.

Из конца темного коридора до Анатолия донесся ее надорванный голос:

— Прощай, сынок! Привет Валечке, Зине, Мите, внучатам. Крепись!

— Мама, прощай, мама! Я буду...

Но его уже вталкивали в кабинет.

— Што за шум? — спросил офицер.

— Да вот, встретились родственнички и загадали, — недовольно пробормотал полицай.

— Это очень карашо. Ты, мальчик, видел своя мутер. Она сейчас будет расстреляйт! Но киндер может спасайт своя мама... Кто вас прислал в село? Ну, говори! Шнель!

— Я ничего не знаю...

Перед глазами юноши встала мать. Напрягая последние силы, она просит, требует: «Крепись!» Никогда, никому не промолвит он лишнего слова. Слышишь, мама, никогда!

Продержав Анатолия около месяца и ничего от него не добившись, гестаповцы решили, что имеют дело с безвредным парнем. На последнем допросе следователь опять грозил расстрелом, но Анатолий сказал: «Господин офицер, воля ваша! Делайте со мной что хотите. Но я говорил вам только чистую правду».

Парень вдруг поднял к потолку глаза и трижды осенял себя крестным знамением...

Позднее мы узнали, что освобождению Анатolia способствовал староста. «Когда я узнал, как умерла его мать, — признался староста, — то решил выручить мальца. Может, это доброе дело зачтут мне наши, русские, может, пожалеют».

Впоследствии (в конце 1943 года) с Костылевым установил связь наш разведчик мичман Волончук. Староста поставлял партизанам продукты, давал необходимые сведения. Как повлияло это на его судьбу, мне неизвестно. А Сандулов еще немало помог нам после освобождения. Ему выдали справку — вид на временное проживание в предгорной части Крыма и отпустили домой. Здесь вместе с отцом и старшим братом Иваном — коммунистом, бежавшим из плена, он организовал подпольную патриотическую группу. В нее вошли бывшие военнопленные — офицер Дмитрий Минайченко, Андрей Кравченко, Василий Черненко, Максим Калиниченко с сыновьями Андреем и Алексеем. Они добывали ценные сведения о размещении частей противника, распространяли сводки Совинформбюро, листовки и издававшуюся в лесу газету «Красный Крым», помогали партизанам снаряжением и продовольствием. Постоянную связь с лесом они поддерживали через Николая Гордиенко и Ивана Урсоля.

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ» ПРОЧЕС

Не все понимали, какими осложнениями грозил нам захват Севастополя врагом. Первое время некоторые партизаны думали, что после взятия черноморской твердыни и полной оккупации Крыма гитлеровцы выведут с полуострова свою 11-ю армию, оставив здесь только малочисленные гарнизоны и жандармерию. Были даже такие, которые ожидали облегчения условий партизанской жизни.

Но скоро всем стало ясно, что наши и без того тяжелые условия станут еще более трудными.

Сразу же прекратилась переброска продуктов и боеприпасов самолетами, так как базы, откуда нас снабжали продовольствием и снаряжением, были переведены в глубь страны. Верховное командование поручило обеспечение партизан Северо-Кавказскому фронту, но авиа-